

Троица Рублева и тринитарное мышление

Три ангела под мамврийским дубом (Троица ветхозаветная) – один из самых поразительных сюжетов византийской иконописи. Даже посредственные реплики вызывают глубокий отклик. Напротив, я не знаю ни одного хорошего воплощения Троицы новозаветной (в виде седобородого Отца, чернобородого Сына и голубя – Святого Духа). В самом каноне Троицы ветхозаветной есть какое-то чудо, какое-то прикосновение к тайне. А в Отце и Сыне с голубем этой тайны нет. Непонятно, почему такую грубую и незаконченную композицию любят заказчики. Видимо, очень хочется ясно видеть, кто есть кто.

Композиция Троицы ветхозаветной – одна из последних вспышек эллинского художественного гения. Так же как интеллектуальная икона Троицы, т.е. Символ веры и связанные с ним догматы, – последний великий взлет греческого философского гения. Языковой барьер отделил древнюю Русь от глубин византийского богословия (об этом писал Г.П. Федотов), но от «умозрения в красках» (Трубецкой) языковой барьер не ограждал, и русская иконопись не уступает греческой. В создании образа Богоматери византийцы остались непревзойденными. Но так же не превзойдены рублевский Спас и Троица. Судя по репродукциям, ничего лучшего и даже равного в Византии не было.

Принято подчеркивать национальные особенности русской иконы. Я думаю, что наций, в строгом смысле слова, во время расцвета русской иконописи (XIV-XV вв.) не было. Был единый культурный круг православия с единым – созданным византийцами – канон иконописи. Рублев кажется мне ближе к Византии (к Владимирской Божией Матери, например), чем к несколько вольному, красочно яркому искусству новгородцев и псковичей (где чувствуется скорее сходство со средневековым Западом). Но было что-то в воздухе времени, давшее искусству Рублева новое дыхание. Может быть, надежда, иссякшая у греков?

И Спас и Троица Рублева суть Спас и Троица, а не символы единства Руси. Однако очень может быть, что молитва у рублевской иконы помогла Дмитрию Донскому собрать полки против Мамаю. И сейчас созерцание Троицы, может быть, внесет бесстрашие духа в наши споры. Великие святые не создаются для национальных или других политических целей. Но именно по своей воплощенной божественности, по своему общечеловеческому призыву они могут укрощать распри, вдохновлять мужество, объединять и мирить.

Вернемся, однако, к нашей мысли: даже второстепенные реплики Троицы ветхозаветной дают чувство прикосновения к великой тайне. А двое мужчин с голубем не трогают сердца, не захватывают. Мы сразу понимаем, что голубь, порхающий над Отцом и Сыном, обозначает Святой Дух; но мы не чувствуем присутствия Святого Духа.

Совершенно ясно, кто есть кто. Достаточно бросить беглый взгляд. И большего вы не увидите.

Наоборот, Троица ветхозаветная неотразимо покоряет и приковывает к себе. Чем дальше, тем больше вы погружаетесь в наплывы смысла, в море оттенков духовной жизни, ощутимых и невыразимых. Вы узнаете, но что? Это никогда нельзя выразить до конца. Что-то в вас входит, что-то превосходящее вас и покоряющее вас. Перед вами открываются глубины бытия, но их не осмыслишь, не перескажешь. Невозможно даже ответить на простой вопрос – кто есть кто. Больше того. Человек, действительно чувствующий рублевскую Троицу, непременно чувствует и то, что вопрос кто есть кто здесь праздный и отвлекающий от сути, что неслиянность и нераздельность ангелов – самая суть дела; а начав различать, мы тут же превратим Троицу «в

трех коров», как выразился Мейстер Экхарт.

Именно этот вопрос был задан от имени царя Ивана IV Стоглавomu собору: который из ангелов Христос? Кого подобает писать в нимбе с перекрестьем? Вопрос содержал в себе нелепость и кощунство, не замеченные ни царем Иваном, ни отцами Собора. Смысл нимба с перекрестьем – превосходство чести, которое дается Христу перед окружающими Его апостолами или святыми. Но ипостаси равночестны; так что надо бы писать с перекрестьем все три лица, всех трех ангелов; такие реплики Троицы есть, но их немного. Собор ответил, что Христос –средний ангел, сидящий выше двух других; писать с перекрестьем надо его. Это очень любопытное решение. Речь идет, правда, не о догмате (к словам Писания древние русские люди страшились прикоснуться), но о толковании иконы. Однако икону чувствовали тогда сильнее, чем туманные формулы богословия, и соборное решение – своего рода догмат поместной церкви, поставившей Сына даже не рядом с Отцом (как сделали католики, преданные анафеме), а выше Отца. Ибо положение фигуры на иконе имеет богословский смысл.

С решением Собора согласился и видный искусствовед, проф. В.Лазарев. Он также считает возможным однозначно определить кто есть кто и признает Христом среднего ангела; ибо рука этого ангела ближе к чаше, обозначающей жертву, а чертами лица он похож на рублевского же Спаса. По-моему, в рамках рублевского творчества средний ангел скорее похож на архангела Михаила, но главное не это. Если говорить о сходстве, то прежде всего три ангела удивительно похожи друг на друга. У всех почти одно лицо – в разных поворотах, в разных духовных состояниях. Кроме того, на кого же и походить, кроме Христа? Бога не видел никогда и никто, Святого Духа также. И Спас – не портрет Христа, а символ Бога во всех Его ипостасях. Образ Спаса дает в Сыне почувствовать Отца и веяние Святого Духа. Антоний Блюм ссылаясь на богословскую традицию, признававшую в Иисусовой молитве обращение ко всем трем ипостасям, хотя непосредственно там обращение только к Сыну Божьему, и есть другие молитвы, обращенные к Отцу и Святому Духу. Тем более можно и нужно говорить о символическом присутствии всех трех ипостасей в иконе. Что касается расстояния между рукой и чашей, то перст среднего ангела, обращенный к чаше, можно понять и как указующий жест, как повеление взять чашу. А руки левого ангела как бы в напряжении, в готовности взять ее.

Наконец, поиски сходства легче начать, чем кончить. Я прошу у читателя извинения за этот несколько грубый прием, но попробуем пойти по дороге, указанной проф. Лазаревым, и подумаем, на кого похожи другие ангелы. Мысленно закроем среднего и взглянем на них. Правый (от нас) весь погружен в созерцание, слушание-вбирание чего-то огромного, как голос из бури, нарастающего изнутри. Глаза полузакрыты: ангел глядит в Царствие Божие, которое раскрывается в духе. Иногда его лицо кажется запечалено страданием; но это страдание экстаза, по ту сторону просто страдания и просто радости, чувство блаженства на грани разрыва сердца и смерти, радость-страдание.

Я знаю это суживанье глаз
И взгляд, направленный к оси незримой -
Не на себя, а внутрь себя. Не мимо
Земных вещей, а сквозь земные вещи, внутрь нас.
Вдыханье мира. Втягиванье в свод.
Я знаю это застыванье – лед,
Невозмутимость, полнота покоя...
Снаружи смерть всецелая. А там,
Внутри – как в небо чистое, пустое,
Всецелость жизни входит внутрь к нам...

Левый ангел уже побывал во всецелости – и выходит из нее. В глазах, взглянувших на наш мир, –

тихая, грустная, но непреклонная решимость. Чем больше вглядываешься, тем больше видна эта непреклонность, этот огонь веры. Если кто-то из ангелов – Слово, то именно левый. Кажется, что сейчас он заговорит – и весь, всем собой станет Божьим глаголом.

Если тихое восприятие женственно, а слово, мысль, действие – мужественны, то правый ангел – воплощение женственности духа, левый – его мужской, творческой силы. Отымем у правого ангела крылья, оденем в мафорий, покроем платком голову – и перед нами Богоматерь, принимающая «страстную весть». А левый – вестник Творца – Гавриил.

Если теперь снова посмотреть на среднего и попытаться решить, чего в нем больше – женственности или мужества, святого восприятия или святого порыва, то мне кажется, что ни то, ни другое в нем не перевешивает. Средний ангел как бы парит над порывами из мира внутрь и изнутри в мир, над радостью и над страданием, над всем, что может быть названо. Правый готов упасть в обморок, левый – встать и заговорить, средний ангел – в покое, глубину которого ничем не возмутить; в точке равновесия между страстным вниманием и страстной волей. Вспоминаются слова Евангелия от Фомы: если не позабудете разницу между мужским и женским, не войдете в Царство.

Можно ли считать этого среднего ангела Христом? – И да, и нет. В нем есть и Христос, Христос во славе, созерцающий с небес, как Гавриил приносит весть о Его рождении... Или созерцающий, из недр Отца, Свою же готовность пойти на крест. В обоих случаях Христос во славе, средний ангел, неразрывно сливается с Отцом. При таком чтении символов легко возникает приближение к Троице, которую представлял себе Мохаммед (упрекая христиан в многобожии): Отец, Мать и Сын. Если вспомнить огромную роль, которую Богоматерь играет в культе, и совершенно ничтожную роль Святого Духа, толкование Мохаммеда естественно. Не зная богословия, судя только по литургии, по молитвам христиан, по их иконописи, трудно представить себе, что третья ипостась – Святой Дух. Третье место (а иногда даже второе) в христианском культе занимает Дева Мария. Положение Святого Духа напоминает положение Брахмы, отодвинутого в дальний угол Вишну и Шивой.

С точки зрения догматического богословия, представление Мохаммеда о Троице должно быть резко отвергнуто. Но оно выразило собой дух практического христианства. Замена одной из ипостасей вечно женственным – постоянная тенденция, выступающая то в крайностях православного учения о Софии, то в экстатической мариологии.

Теперь отбросим все прежние ассоциации и еще раз посмотрим на икону, на правого ангела. Можно увидеть в нем не женственность, а жертвенность. Агнца, готового к закланию. Тогда правый ангел определился бы как Исаак, а левый, полный решимости, – как Авраам, готовый занести нож над своим единственным сыном. Отец, вдохновленный на жертву, и Сын, кротко готовый к жертве. В решимости левого ангела – вся творческая энергия Отца, которую может вместить в себе человек. Средоточие творческой энергии в рублевской Троице – не средний ангел, а именно левый. И можно считать его образом Отца, но только отчасти. Если это просто Отец, то опять не выходит православной Троицы. Опять Христос во славе (средний ангел) созерцает, как Отец приносит Его, страдающего, в жертву. Опять две природы Христа стали ипостасями, вытеснив в незримую глубину Святой Дух.

Я должен признаться, что разница между природой и ипостасью не кажется мне безусловной, непреодолимой. Эти категории, в моем понимании, тоже единосущны и равночестны. Неслиянность и нераздельность (форма связи, осознанная в спорах о двух природах Христа) целиком относится и к отношениям ипостасей (они тоже неслиянны и нераздельны). Можно указать на талантливую ошибку, сравнимую с ошибкой Мохаммеда: Г.Д.Гачев в одном из своих рассуждений относит догмат о неслиянности и нераздельности именно к ипостасям и

приписывает его Константинопольскому и Никейскому соборам. Такие ошибки часто выявляют исторические возможности, оставшиеся невыявленными. Но нельзя представить себе, что подобным образом думали византийцы, создавшие канон Троицы. Они были строгие догматики.

Я не сомневаюсь, что православные иконописцы посадили Сына одесную Отца (т.е. для нас слева). Средний ангел в каноническом свое значении – Отец. Мягкий Отец. Бесконечно сострадательный Отец. Не суровый Бог старых пророков, а Отец наш, к Которому обращается молитва: и остави нам долги наши, яко же и мы оставляем должникам нашим... Отец, раскрывающий свои объятия блудному сыну. Отец, принимающий молитву мытаря: Господи, буди милостив мне грешному. Отец сидит чуть повыше других (православие сохраняет неравенство Отца и Сына в отношении к Святому Духу). Ошую (т.е. от нас справа) – Святой Дух, исходящий от Отца. Отцы Стоглавого Собора не подумали, что, посадив Сына в центре, они заставили Святой Дух исходить от Сына, а не от Отца (отсаженного одесную Сына и отделенного от Святого Духа). С точки зрения моего вероятностного богословия, допускающего несколько образов одной непостижимой тайны, это не очень большая беда, но византийцы предпочли гибель своего государства и турецкое рабство католическому *filioque*.

Православный Отец не может сидеть ниже Сына. Это решает. Полуоборот к Сыну, указующий перст, направленный к чаше, сострадание в чертах лица не противоречат образу евангельского Отца, отдающего Сына в жертву. В левом – готовом к подвигу – изображен Сын. Правый, восхищенный в духе, усиленно изображает Святой Дух. В этом смысле можно понять и наклон его головы, повторяющий наклон головы среднего ангела, как бы удваивающего его лик своим ликом. Относительно правого ангела, впрочем, нет споров. В рамках церковного учения о Троице можно спорить о левом и среднем на иконе Рублева. В левом сливаются творческая решимость Создателя вселенной и решимость Христа к подвигу, в среднем – сострадательный Отец Евангелия и Его сострадательный Сын. В правом явно преобладает восхищенность в Духе, и лучший образ Святого Духа (который ведь как-то надо изобразить) невозможно представить.

Однако, если смотреть на Троицу глазами нецерковного человека, разные смыслы снова наплывают друг на друга. И не только в иконе, но и в словесном образе Троицы. В каждом лице Ее как-то ощутимы, как-то присутствуют и другие лица. Если изобразить это формулой, выйдет $A \neq A = B = C$. В Отце присутствует Дух, присутствует и Сын, единосущный Отцу и до всех времен пребывавший в недрах Отчих; в Сыне – Отец, волю Которого Он творит, в Духе – Бог, из Которого Он исходит. Или, если отбросить имена и богословствовать вместе с Мариной Цветаевой, – первая ипостась – Там (но не только там); вторая – Здесь (но не только здесь); а третья – Всюду (и нигде).

Язык Христа и апостолов – обыкновенный человеческий язык, грамматика которого не впускает в себя ипостасное мышление. Сказано, что Бог есть Дух. Мария зачала от Святого Духа, но Христос – Сын Отца Небесного. Если приложить к этим отношениям элементарную логику, то выйдет, что различие между первой и третьей ипостасью вообще надуманно: $A = C$ и $C = A$; есть Бог-Дух и есть Сын; место третьей ипостаси остается вакантным, и Даниил Андреев вводит на него Софию, Вечно женственное (подобным образом понимали Троицу и другие гностики).

Как отнестись к этой ереси и к другим подобным ересям? Прежде всего мне хочется подчеркнуть, что Троица – Единое в трех лицах, в каждом из которых полностью присутствует Целое, со всеми его возможностями. Лица единосущны. А сущность – трехипостасна. Значит, каждое лицо Троицы само по себе ипостасно, внутренне подвижно, текуче – в известных рамках, в треугольнике, замкнутом в круг или овал. Сохраняя эту внутреннюю форму Троицы, можно видеть преимущественное выражение той или другой ипостаси или природы в любом из ангелов (преимущественное, но не исключительное). В среднем ангеле можно увидеть и Отца, и Сына, и Святой Дух. Последнее соответствовало бы ереси Иоахима Флорского, поставившего выше всего

именно Святой Дух. Иоахим учил, что прошло время Отца, наступило время Сына, готовится время Святого Духа. Помыслив в центре Святой Дух, увидим одесную (для нас слева) Отца, ошую (для нас справа) Агнца, готового к закланию. Тринитарные отношения не подчиняются закону исключенного третьего. Разные возможности понимания, не останавливающие вечной смены наплывов, вечный ток любви, переполняющей ипостаси и переливающейся от одной к другой, не ложны. Они только иерархически соподчинены в структуре вероисповедания. Для церкви Сын богословски фиксирован одесную Отца; но второстепенные чтения могут и должны восприниматься на заднем плане, как обертоны к основной мелодии. Без этой смены наплывов, без текучести, без возможности ереси не будет и догмата единосущности. Единосущность – или пустое слово, за которым ничего не стоит, или символ некоторой внутренней игры, в которой лица меняются, могут меняться местами. По словам Мейстера Экхарта, «игра идет в природе Отца; зрелище и зрители суть одно». Троица Рублева – символ этой игры. Она полна внутреннего движения, и три ангела как бы постоянно меняются в наших глазах, обмениваются своими поворотами единосущия.

Круг этого движения Рублев совершенно ясно очертил. Все сказано линией и цветом. Но остается бесконечное множество оттенков, наплывающих и исчезающих, бесконечное множество невыявленных поворотов. Внутренне текучее остается таинственным, даже если оно с утра до вечера перед глазами. Познав его форму, мы только яснее видим непостижимость его глубин. Сколько оттенков зеленого цвета в дереве под окном? Сколько новых оттенков прибавят луч солнца, набежавшее облако? Названий цветов – семь, оттенков – тьмы. И неизвестно, что считать, где единица счета в качественной бесконечности. Вдумываясь в эту тайну, китайцы создали образ Дао, Пути, замкнутого в вечный круг, вечно постигаемый (названное Дао) и вечно непостижимый (неизреченное Дао). Троица – тот же круг, но не разлитый в природе, а парящий в небе, которое внутри нас.

Образы творческой сердцевины мира могут быть разными, но их суть, их внутреннее движение сходны. Иногда это сходство становится даже внешним. Меня всегда поражало сходство Троицы ветхозаветной с буддийскими иконами (расположение фигур, общее настроение), и я сочувственно принял гипотезу Л.А.Лелекова, предположившего прямое влияние буддийской Троицы на христианскую. Лелеков (доклад которого я слышал в конце 60-х годов на конференции о каноне в искусстве) находит буддийские прототипы не только Троицы, но и еще двух икон: Деесиса и Успения. Посредствующим звеном он считает манихейство, точнее – манихейскую книжную миниатюру. Августин рассказывает, что сжег, став христианином, свои манихейские книги, многие из которых были роскошно иллюстрированы. Мани (III в.) почитал и Христа, и Будду, пытался соединить их учения. Манихеи, переходя в христианство, должны были трижды три раза отречься от Будды (свидетельствует византийский канон). Поэтому в каких-то манихейских миниатюрах должны были быть буддийские заимствования. Распространившись в Средиземноморье, реплики буддийских икон стали одним из источников христианской иконописи.

Строго доказать гипотезу Л.А.Лелекова невозможно, пока не найдены манихейские книги, точно датированные и с уцелевшими иллюстрациями; а это маловероятно. Но я лично чувствую себя убежденным. Моим представлениям о внутренней близости высоких религий не противоречит гипотеза о круге средиземноморско-индийских влияний, и я верю, что образ Будды, сложившийся под влиянием образа Аполлона, участвует в формировании образа Христа.

В центре буддийской иконы Троицы – сидящий Будда; справа и слева от него, чуть пониже, чуть меньше ростом, – сидящие бодисатвы. Это зримая троица – символ незримой Три-кайи (трех тел Будды): тела дхармы, тела превращений (нир-маньякайя) и тела блаженства (самбхогакайя). Слово «тело» здесь так же условно, как «лицо» применительно к третьей ипостаси. Речь идет о духовной сущности, символически представленной тремя существами.

Христианизировав эту композицию, иконописцы избрали библейский сюжет о трех ангелах, возвестивших рождение Исаака. Средний ангел чуть выше посажен и кажется чуть крупнее по своей стати, чем остальные. (Бесспорных указаний на это в Библии нет.) Таким образом, основа буддийской иконы сохранена. Но чтобы отрезать ассоциации с нею, Троица изображалась с Авраамом и Саррой, подносящими хлебы. Таким образом фиксировался библейский контекст.

У Рублева в этом не было никакой нужды. Не зная о буддизме, отделенный многими веками и морями ранней Византии, в которой складывался канон, он чувствовал ненужность суестьихся маленьких фигурок с блюдами в руках. И Рублев (или, может быть, его неведомый предшественник) дерзнул отбросить лишнее. Три ангела как символ трехипостасного Бога предстали во всей своей ничем не заслоненной предмирной чистоте, едва прикасающейся к земле (остались только знаки земного: дуб, стол, чаша). Вершина греческого умозрения в красках была освобождена от искажавших ее исторических ограничений, и суть ее заблестала еще ярче. После Рублева здесь нечего прибавить и нечего отнять.

Три ангела – одна фигура в трех ракурсах – лучше выразили единосущность, равночестность, неслиянность и нераздельность глубин бытия, чем Будда и бодисатвы. Греческая мысль вообще четче, конструктивнее индийской – и в слове, и в скульптуре, и в архитектуре. В философии индийского мистицизма (которую, впрочем, не надо смешивать с индийским рационализмом) все переходит во все любым образом, так что образ перехода остается сплошь и рядом непродуманным: например, нирвана есть сансара, йога есть бхога. (Т.е. покой есть суесть, дисциплина есть упоение страстью. Единство достигается прыжком через абсурд без всяких мостков или перил для ума.) Примерно так осознавала себя в борьбе с римским разумом раннехристианская мысль: я верую, ибо это бессмысленно. Но потом греческие Отцы Церкви разработали формы ипостасного мышления, в которых сверхлогическое приобрело некую структуру текучих наплывов и перестало быть противоразумным, абсурдным. Рублевская Троица – наглядный образ этой высшей разумности.

Однако различия христианской и буддийской Троицы и связанной с ними мысли менее существенны, чем сходство. Буддийская Трикайя тоже означает мистическое тождество трех аспектов духовного целого. Нирманьякайя – тело превращений – это Будда страдающий, проходящий свой земной путь. Самбхогакайя – тело блаженства – это Будда на седьмом небе. Бросается в глаза подобие Христу страждущему и Христу во славе, Христу Пантократору. Сходные мысли я нашел у двух исследователей (тоже, если не ошибаюсь, не повлиявших друг на друга): у Кумарасвами и Д.Т. Судзуки. Трудности возникают только с дхармакайей, не поддающейся простому уподоблению какому-нибудь элементу христианского богословия. Здесь перед нами, по-моему, другая структура Троицы, нечто вроде андреевской Троицы, в которой первая и третья ипостаси сливаются в едином Боге-Духе. Буддийский пример, выдержавший испытание веков, позволяет лучше понять андреевскую ересь.

Всякая икона верна своей таинственной глубине, если достигнуто неслиянное и нераздельное единство Здесь и Там. Это относится и к зримым, и к интеллектуальным иконам (символам веры, догматам). Поэтому суть Троицы я вижу не в именах ипостасей, а скорее в их отношениях (единосущности, равночестности, неслиянности и нераздельности). Лица Троицы не суть атомы; они сами по себе ипостасны – или, в других терминах, неслиянно и нераздельно двуприродны. В христианской Троице двуприродность выявлена во втором лице, и только свободное умозрение постигает ее и в первом, и в третьем. В андреевской Троице подчеркнута двуприродность первого лица, Бога-Духа, а второе и третье, мужественное и женственное, тяготеют к одноприродности. Можно выразить это так, что двуприродность, уходя внутрь во второе лицо, обнаруживается в первом. В каждом мысленном образе сверхмысленной Троицы что-то упущено. Только совокупность тринитарного богословия дает представление о том, что оно

пытается познать. Предположительное вселенское учение о Троице включает в себя не только все догмы, но и многие ереси.

Можно представить себе возведение в ранг ипостасей женственного и мужественного, но только как аспектов единого духа, а не двух противоположных полюсов, инь и ян, –женственности и мужественности, отделившихся и только дополняющих друг друга. Отделившееся не ипостасно. В рамках буддийской символики возможна Троица, где в центре Будда, а по сторонам его Праджня (аналог Софии) и Упайя (Метод, мыслимый в мужском роде). Будда, Праджня и Упайя неслиянны и нераздельны. Буддисты выражают это проще: Просветление (Будда), интуитивная мудрость (Праджня) и истинный путь к ней (Упайя) суть одно и то же, только в каждом из них это одно и то же выступает в разных своих поворотах. Мне кажется, допустим и такой способ выражения. Главное для меня – неслиянность и нераздельность Здесь и Там, человека и Бога, единство покоя в движении и движения в покое, т.е. живая ипостасная мысль сообщает движение любому образу, буддийскому или христианскому.

Мистик-мыслитель видит, например, что человечность Христа не может быть от Него отделена и в недрах Отца, до всех времен. А потому человечность Сына становится и человечностью Отца. «Я без Тебя ничто, – сказал Ангелус Силезиус, – но что Ты без меня?» Для мистика двуприроден и Святой Дух; Вл.Соловьев познал в нем «общее сердце Отца и Сына» . В каждой ипостаси может быть познано единство идеи (тяготеющей к Единому, как истина, добро и красота у Платона) и ее личностного воплощения, тяготеющего к единству с личным Богом. То же и в буддизме. «Кто видел меня, видел дхарму, кто видел дхарму, видел меня», – сказал Гаутама Будда монаху, захотевшему повидать его перед смертью. Эти слова (напоминающие слова Христа и слова Павла о Христе) мог повторить и бодисатва, воплощение Софии (Праджни) или Метода (Упайи). Каждый из них – и личность, и принцип, и часть, и целое. В каждом из них просвечивается вся система ипостасей и природ. Без этого ипостасности нет и Троицы тоже нет. Буддизм мыслит ипостасно, созерцая дхармакайю как великую пустоту, т.е. чистый дух, и все порождающее начало (т.е. как бы Отца Небесного). Индуизм мыслит ипостасно, созерцая в высшем своем Боге единство Ниргуны Брахмана (непостижимого Абсолюта, сущего Ничто) и Сагуны Брахмана (сущего во всей твари, в блеске красок и полноте звуков).

Здесь – это слишком здесь.

Там – это слишком там.

М.Цветаева

Преодоленный разрыв Здесь и Там – тайна иконологического мышления, нашедшего свое наиболее совершенное воплощение в Троице. Этот дух веет и там, где слово Троица не произнесено и даже не мыслится:

Здесь и Там едино.

Ты в объятье двух миров.

Так просто! Белизна

нераздельна с белой тканью платья...

Р.М.Рильке

Здесь – имманентность, творческое присутствие в мире, сагуна; там – трансцендентность, внемирность, сверхмирность, осязаемая только в духовных касаниях, ниргуна. Единство сагуны и ниргуны, имманентности и трансцендентности – примерно то, что Отцы Церкви выразили словом «единосущие» . Трое-лицье (тримурти) индуизма, по-моему, вообще не Троица, а распределение трех функций Отца: создания, хранения и разрушения мира. Но движение к тринитарности в индуизме есть; образ, найденный христианским поэтом Рильке, повторяет Рамануджу: верующий соединяется с Богом, как синева с синим цветком.

Знакомство с ипостасным мышлением вне догматического христианства и вне христианства вообще помогает понять огромные, до сих пор не использованные возможности развития конфессиональной догматики. Суть ипостасного мышления не в одном числе «три». Не менее важна неслиянность и нераздельность двух, толкающая к трем. Может быть, греческие отцы смутно чувствовали это, отстаивая нахождение Святого Духа только от Отца. Двуприродность Христа задана в Его богочеловечности, а Отец, без особой связи со Святым Духом, тяготеет к одноприродности. Таким образом, борьба против *filioque* имела духовный смысл – была борьбой за сохранение внутреннего движения в первой ипостаси, против окончательного оттеснения Отца Сыном. Но католики также были правы: дух совершенной любви не может исходить только от одного, взаимность не может быть односторонней. Тут спор не об условных знаках, а трудность выбора между двумя решениями, каждое из которых захватывает и покоряет. Может быть, сравнительное изучение тринитарного мышления позволит в конце концов выйти на уровень метатеологии, на котором оба решения будут релятивированы и потеряют свою непримиримость.

Знакомство с ипостасным мышлением в Азии позволяет также лучше понять искушения софиологии. Женственное, которое только женственно, сводит нас с уровня чистого творчества на уровень сотворенного. Отцовство первой ипостаси не половое; это просто символ творчества. А отделенно женственное неполно и требует своего дополнения, мужа. Отсюда необходимость «брака ипостасей» – выражение Даниила Андреева, которое мне кажется нелепым. Пишу об этом с сожалением, потому что в «Розе мира» много прекрасных, вдохновенных страниц, много глубинно увиденного.

Ипостаси именно потому ипостаси, что едины без всякого брака, предвечно едины. Они принадлежат уровню бытия, где нет обособления и не нужно преодолевать обособление, нет плюса и минуса, северного и южного полюса, нет силовых линий магнитного или полового напряжения. Всякое одно есть в то же время другое. Говоря языком китайской метафизики, это уровень Дао, в котором «именуемое и безымянное порождают друг друга» (Даодэцзин), не становясь отдельными. А отделенно женственное – с уровня двойственности, с уровня полярности, инь и ян. Инь – темное, текучее, восприимчивое, женственное; ян – светлое, твердое, активное, мужское. Троица, в которую вводится отделившееся женственное, тотчас теряет свою ипостасность, становится системой из трех родственных, связанных (хотя бы и браком), но разных элементов, т.е. не троицей, а триадой, троебожеством. Внутренне подвижное и замкнутое в себе единство превращается в начало множественности (одно, как сказал Лаоцзы, порождает два, два порождает три, три порождает тьму вещей).

Однако этим дело не кончается. Тантризм правой руки (культ женственного, остающийся в рамках своего рода софиологии) очень легко переходит в тантризм левой руки. Упайя ассоциируется с мужчиной, Праджня – с женщиной, и просветление достигается в обряде яб-юм (ритуальный, подготовленный аскетическими упражнениями половой акт). Я не отрицаю, что близость мужчины и женщины, соединенных любовью, может дать подлинное просветление; и возможно, что в некоторых случаях обряд, исполненный со всей верой, заменяет личное чувство. Но вероятность профанации здесь настолько велика, что практически все тантристские секты левой руки рано или поздно вырождаются. Андреев чутьем поэта угадал, что его Роза мира станет орудием антихриста и превратится в темный оргиастический культ (по его предвидению, в XXIII или XXIV веке).

Изучение ипостасной мысли Востока позволяет также лучше понять ересь Иоахима Флорского. Религии Святого Духа, где на первое место выдвигается третья ипостась, вполне возможны; но не впереди, а рядом. Они давно существуют в Индии; это буддизм и ведантизм. Все высшие религии суть воплощения предвечной Троицы (с большей или меньшей степенью человеческого несовершенства). Ни одна из них не подлежит упразднению или отмене. Мир не может быть ни

внешне христианизирован (за счет иудаизма, ислама, индуизма, буддизма), ни дехристианизирован. Возможно и нужно другое: переход от религиозной полемики к общению в духе любви, перенос акцента с качества символов на качество духовного опыта, переход от гордыни вероисповедания к смиренному сознанию своей нищеты и скудости.

Троица – место будущей встречи всех высоких религий, не только христианства и буддизма, создавших учение о Троице, но тех, в которых это учение не сложилось и есть только элементы тринитарности (Дух Божий, носившийся над водами, и нераздельность Бога и ангелов в иудаизме, предвечность Корана в исламе и т.п.). Ни одна религия не воплотила Предвечную Троицу во всех Ее ипостасях и природах, и разница степени развития богословия может даже оказаться обратно пропорциональной духовной глубине: фарисеи, гордые своим восхождением, окажутся последними, а мытари, сознающие свою духовную убогость, – первыми. Если взглянуть на христианство трезвыми глазами аравийского купца, то это религия Сына, заслонившего Отца, и (добавлю от себя) с неразвитым зачатком понимания Троицы, оставшимся совершенно чуждым подавляющему большинству христиан и даже христианских богословов. Поэтому практическому христианству нечем гордиться перед религиями Отца (иудаизм, ислам) и религиями Святого Духа (буддизм, ведантизм). Ни одно вероисповедание не благодатно в своей гордыне; все благодатны в своем смирении. Все способны выйти на уровень метатеологии, с которого догматические религии будут познаны как отражения одной великой тайны в разных зеркалах. Для этого не нужна никакой верхушечной унии – только внутреннее развитие каждой религии вглубь, и в форме открытых вопросов Богу и антидогматических парадоксов (Иов, дзэн, Кьеркегор), и в форме творческого продолжения и углубления догматики. А главное – в духе любви, сочувственного внимания и понимания.

Предвечная Троица духовна, и человек может войти в нее только восхищенным в духе. Понять Троицу, понять общее сердце Отца и Сына – значит войти в него. Суть Троицы – не три и не два, а неслиянное и нераздельное событие человека с Богом, одновременно личным (Бог есть любовь) и веющим повсюду Духом (Бог есть Дух). В этом, и только в этом событии преодолевается несовершенство языка, созданного христианством, или буддизмом, или индуизмом. То, что написано Святым Духом (учил Силуан Афонский), может быть прочитано только Святым Духом. И если оно будет так прочитано, исчезнет почва для ненависти и почвенничество, привязанность к старине, утратит свою фанатическую закрытость.

Поэтому важнее всей мыслимой символики рублевской Троицы – ее непосредственное переживание. Троица может быть прочитана как простой образ духовной жизни личности. Правый ангел – образ созерцания, вбирания в себя света до самозабвения, до потери себя в свете. Средний – внутренний свет, озеро внутренней тишины, совершенная полнота внутреннего покоя. Левый – начало деятельной мысли, возникающей в озере тишины, в успокоившемся духе...

Теперь ты знаешь – мы, как анемоны,
Сомкнуться можем в предвечерний час,
Вобрав в себя все то, что день принес,
И вновь раскрыться, новый день встречая.
И мы не только можем делать так,
Нет, это долг наш. Мы должны
Учиться замыкать в себе бездонность...
Р.М.Рильке

Каждая душа может осознать себя в образах, созданных живописью, или поэзией или музыкой, – и найти в них свою божественную форму:

Я есмь орган. Он органист, не я.

Во мне волна Его святого хмеля.
И тот разрушит песню Бытия,
Кто нас смешает – или нас разделит.
По клавишам бесчисленным скользя,
Он трогает мои живые раны.
Я емь орган, но мне самой нельзя
Дотронуться до тайных труб органа.
Я емь орган, но лишь Создатель мой,
Вдохнув свой дух, играет на органе.
Я глубь и тайна для себя самой,
Я оживаю от Его касаний.
Вот он вошел, Предвечный Органист...
О этот свет, вонзенный в темень ночи!
Да будет звук мой первозданно чист,
Чтоб передать все то, что Он захочет.
Что значит смерть? Есть только Ты и я.
Во мне волна божественного хмеля,
И тот разрушит песню Бытия,
Кто нас смешает или нас разделит.

Не только Бог, но и мы сами едины в трех лицах: созерцания иконной красоты, овнутрения ее и творческой мысли. Учения о Троице – буддийское и христианское – возникают примерно в одно время, вскоре после первого осознания личности в философии и первой неудовлетворенности философией, неудовлетворенности жесткими логическими связями и различиями. Единосущность, равночестность, неслиянность и нераздельность ипостасей – лучшее достигнутое человеком осознание сверхсистемной структуры своего внутреннего мира и Божьего мира. Божьего бытия. Рублевская Троица – мандала, т.е. символическое изображение внутреннего мира, царствия, которое внутри нас. Мира, возникающего из тишины и возвращающегося в тишину.

И поэтому созерцание трех ангелов у мамврийского дуба возвращает нас к себе, к своей глубине, на которой мы мало и редко живем. Или созерцание рублевского Спаса, в котором, по-моему, есть все то, что развернуто в Троице, и еще что-то, но еще тоньше, еще неуловимее сказанное и еще труднее поддающееся анализу. Или созерцание закатного луча, в котором тают горы и стекленеют воды:

Так наступает царство духа:
Последний свет хранит вода,
Твердыня стала легче пуха,
А нежность, как гора, тверда.
В ней есть такое средоточье,
Такой недвижимый настой,
Что можно увидеть воочью,
Почти пощупать Дух Святой...

Два подступа к Троице

Моя работа «Троица Рублева и тринитарное мышление» была впервые прочитана как доклад в Ленинграде летом 1978 г. Когда Самиздат стали печатать, текст (с некоторыми произвольными сокращениями) был опубликован в журнале «Страна и мир» (Мюнхен, 1989, N 6). Статья «Иконологические мышления как система и диалог семиотических систем» напечатана в сборнике «Историко-филологические исследования» (Памяти Н.И. Конрада), М., 1974. Термины

«иконологические», «ипостасное» и «тринитарное» я считаю синонимами. Имеется в виду мышление, основные категории которого – единосущность, равночестность, неслиянность и нераздельность. Общая черта ипостасного мышления – выход за рамки жестких отношений тождества и различия, текущая системность, в которой $A \neq A = \Gamma = B \neq B$.

Мой подход в чем-то перекликается, а в чем-то отличен от анализа «Троицы» Рублева и догмата о Троице, предпринятого Б.В.Раушенбахом («Вопросы философии» , 1990, 1993). Встретившись с Борисом Викторовичем на конференции в Киеве 24 мая 1993 г., я убедился, что мои работы до него не дошли. Тем более замечательно, что два человека, совершенно разных по складу ума, были захвачены одной темой. Замечательно и то, что оба мы – не богословы. Древняя традиция оказалась современной проблемой для эссеиста и конструктора ракет. Я шел от непосредственного медитативного восприятия рублевской «Троицы» и от ее структуры к структуре догмата. Борис Викторович шел от решений VII Вселенского собора к иконе, методически сопоставляя каждый пункт соборных постановлений (числом 8) с характером и расположением фигур. Я сравнивал христианский канон изображения Троицы с буддийским. Борис Викторович этого материала не привлекал. Следуя разными путями, мы, однако, оба доказываем, что композиция рублевской Троицы на порядок лучше передает суть дела, чем неканонические иконы, иногда называемые «Троицей новозаветной», «Отечеством» и т.п. (мужчина с седой бородой, мужчина с черной бородой и голубь). Неканонические иконы не соответствуют ряду важных пунктов соборных постановлений, показал в своем докладе Б.В.Раушенбах. Неканонические иконы не передают отношения ипостасей друг к другу, переливов сущности в сущность, говорил я.

Однако интересны и различия наших подходов. Борис Викторович доказывал, что соотношение ипостасей по-своему логично и сопоставимо с некоторыми научными моделями. Отталкиваясь от спора С.Трубецкого с П.Флоренским, он вместе с Трубецким настаивал, что никакой антиномичности в Троице нет (хотя не соглашался со способом доказательства этого Тезиса и предлагал свою аналогию Троицы в пространстве и времени – модель вектора. Ср. «Вопросы философии» , 1993, N 3). По-моему, системность Троицы выходит за рамки научной логики и за рамки любых отношений в пространстве и времени. В Троице запечатлена неразрывность Единого и единичного, брэнного и вечного. По словам Августина, единожды рожден был Иисус Христос, единожды распят, единожды воскрес. И Он же пребывал в недрах Отчих прежде всех век. В рамках логики, где $A = A \neq B$, это может быть названо антиномией или, на языке Тертуллиана, абсурдом.

Вечность выходит за пространство и время. Вечное иногда просвечивает сквозь время, сквозь плоть – а иногда раскрывается в бездне, где плоть гибнет и смолкает «плотский ум» (ап. Павел), смолкает «эвклидовский разум» (Достоевский). Положения новой веры, становясь привычными, утратили свое качество «для иудеев соблазна, для эллинов безумия», и Тертуллианово чувство абсурдности вездесущего Бога, повешенного на кресте, было преодолено церковью; однако благочестие не позволило перечеркнуть слова Павла: «Мудрость века сего – безумие перед Господом».

Троица – итог эллинской духовной культуры, сохраняющей известное участие разума, умозрения, в созерцании духовных тайн. Но сравнение с научной логикой имеет свои границы. Проведенное дальше известной черты, оно уводит в сторону от тайны Целого и практически мешает медитативному созерцанию иконы.

Логически последовательная модель явления в пространстве и времени закрыта, непрозрачна для вечности. Вечность скорее просвечивает через противоположную крайность, через чистый абсурд, перекликающийся с взаимной абсурдностью брэнного и вечного: «Кто хочет быть мудрым в мире сем, тот будь безумным». Однако прыжок через абсурд в духе Тертуллиана и

буддизма дзэн – не единственный путь к вечному

Абсурд – понятие относительное, связанное с характером разума, логики. Чем жестче логика, тем резче противоположность разума и абсурда. Чем логика гибче, тем они ближе друг к другу, даже до полного слияния; так же как свобода и рабство в понятии «раб Божий», как безумие веры, ставшее мудростью, и т.п.

В математике абсурд имеет значение, которое к Троице неприменимо. Мысль как бы движется по железнодорожной колее. Absurdum est – тупик, надо поворачивать обратно и переводить стрелку на другую линию. Такого абсурда в Троице нет, на иконе Рублева божественная любовь и божественная мысль зримо переливаются от лица к лицу. Однако в широком контексте культуры абсурд не имеет значения тупика. Скорее это знак перехода от одной системы к другой. Две системы, каждая по отдельности разумная, внутренне логичная, предсказуемая, могут быть взаимно абсурдны. Мы с вами живем в абсурдную эпоху, читаем литературу абсурда, ходим в театр абсурда. Мы понимаем язык абсурда, мы находим его точно соответствующим реальности нашей политики, нашей экономики, нашей культуры. Мы поняли абсурдность утопии и пытаемся перейти от нее к системе, которая, в свою очередь, упирается в тупик экологического кризиса и на каждом шагу обнаруживает свою духовную абсурдность. Итогом наших усилий будет, по-видимому, переход от местного абсурда во всемирный абсурд (и, надо полагать, во всемирную переоценку ценностей, подобную духовным сдвигам I-IV вв.).

Абсурд не есть отсутствие смысла. Это знак смысла, вышедшего за рамки закона тождества. Все, что движется, абсурдно – это хорошо понимали элеаты. Закон тождества останавливает движение, чтобы разуму удобнее было разобраться в остановившихся предметах, но эта остановка – мысленная. На самом деле предметы движутся. $A \neq A=B$. Демократы становятся диктаторами, коммунисты – защитниками парламента. В этом реальном мире абсурдное высказывание может быть совершенно точным описанием абсурдной ситуации, и с точки зрения практического разума оно разумно; но с точки зрения теоретического разума, признающего закон тождества, оно остается абсурдным.

Абсурдность исчезает, когда мы выходим за рамки аристотелевской логики, геометрической, евклидовой логики, где непременно $A=A \neq B$. В индийской логике нет закона исключенного третьего (доводящего закон тождества до абсолютной незыблемости). В индийской логике возможны не два разумных суждения, а целых пять:

S есть P;
S не есть P;
S есть и P, и не P;
S не есть ни P, ни не P;
S неопределим.

Допустим, S – Родион Раскольников. Он не укладывается в закон тождества. О нем нельзя сказать ни «Раскольников добр», ни «Раскольников не добр». Скорее «Раскольников и добр, и не добр»; «Раскольников ни добр, ни не добр».

Однако переход с уровня частных на уровень Целого, от единичного к Единому непостижим в гораздо более глубоком смысле; здесь уместнее всего последняя позиция индийской логики: S неопределим.

Из этого исходит крайняя форма восточной духовности, буддизм дзэн, разрушая все формы умозрения и делая прыжок через абсурд единственным путем к святыне. Я отрицаю единственность такого пути; но некоторые привычки разума действительно принадлежат только

«веку сему», и в понимании Троицы от них надо отказаться. Троица не постижима ни как прямолинейное движение от постулата к теореме, ни как разрыв и прыжок через пропасть. Рублевское «умозрение в красках» показывает нам скорее тихий духовный хоровод, в котором лица, свободные от предметной тяжести, все время переходят друг в друга и остаются самими собой в незыблемом вечном кругу. Троица парит над разумом и над абсурдом, она превосходит все наши понятия и представления и вся запечатлена в рублевской иконе как вечная текучесть и вечное единство сердец, в которых пульсирует сердце вселенной. Созерцая Троицу, мы освобождаемся от гнета логики тождества, удобной для решения математических задач, но убийственной для личности.

Закон тождества совсем не безобиден. Напишем его немного подробнее – и тогда на первое место выступит разорванность, замыкание в себе ($A=A$) и отчуждение от другого:

$A=A$

№В№С...№N...№Г

Все люди смертны. Кай – человек, следовательно, Кай смертен. Он равен себе, только себе, не равен ничему другому и не имеет с ним ничего общего. А потому справедлив каторжный афоризм: «Ты сегодня помри, а я завтра». Или в «Записках из подполья»: «Миру ли провалиться, или мне сейчас чаю не пить? А я скажу, чтоб мир провалился, а мне чай всегда пить».

Напротив, высшее целостное сознание «сильно развитой личности», пересекающее «эвклидовский разум», можно описать формулой
 $A \text{ № } A=B=C \dots N \dots = \Gamma$

Абстрактная форма позволяет выразить общий смысл и Евангелия («душу свою положить за други своя»), и упани-шад («то – высочайшее, то – Атман, и ты – это то, Шветакету»), и хорошо известного стиха Тютчева: «Всё во мне – и я во всем».

Мне кажется, $A \text{ № } A = \Gamma$ лежит в основе и догматической мысли, выразившей себя в словах «единосущность», «равночестность», «неслиянность и нераздельность». Схоластика, вооружившись логикой Аристотеля, потеряла интерес к пониманию этих категорий. Православие тоже не обнаруживает к ним интереса. Оно сохраняет византийские открытия в узком кругу догматических формул и не прилагает к культуре. Исключения есть, но не в богословии, а в русской философии, православие которой спорно. Остается невыполненная задача – понять и заново истолковать ипостасное мышление, не отождествляя его с методами точной науки.

В духе неслиянности и нераздельности могут быть поняты многие современные проблемы. Например, христианство нераздельно с культурой, но оно неслиянно с ней. Многие явления европейской и русской культуры выходят за рамки христианства, и эта неслиянность так же должна быть признана и принята, как и нераздельность. Неслиянны и нераздельны друг с другом все великие религии – неслиянны в догме и обряде, нераздельны в Святом Духе. Возражения против экуменизма и суперэкуменизма основаны на аристотелевской логике, а не на ипостасной мысли. Неслиянны и нераздельны дух и плоть, этническое и вселенское...

Было бы, однако, злоупотреблением прилагать византийские категории к тысячам простых случаев, где $2 \times 2 = 4$. Умозрение в красках (также как интеллектуальные иконы богословия) уравнивает элементарную логику тождества, не упраздняя ее, но давая почувствовать уровень целостного бытия, к которому мы едва прикасаемся в лучшие часы своей жизни.